

Я.В.Васильков
ТОЛЬКО ОБ ОДНОМ ВОСТОКОВЕДЕ...
(Гebraист Михаил Николаевич Соколов, 1890-1937)

Востоковеды России (и, надеюсь, других стран бывшего СССР) навсегда сохраняют благодарную память о Феликсе Федоровиче Перченке. Его известная статья, опубликованная за рубежом, но быстро достигшая России и ходившая по рукам в академических институтах, задолго до «эры гласности» коснулась запретной в советских условиях темы репрессий в востоковедении¹. Когда в «перестроечные» годы востоковеды Москвы и Ленинграда развернули поиск архивных материалов по данной теме, Ф.Ф.Перченко принял в этой работе самое активное участие и во многих отношениях направлял ее. Первые результаты были опубликованы в журнале «Народы Азии и Африки» в виде списка, куда вошли имена и краткие сведения о более чем 350 репрессированных востоковедах². В последнее время Ф.Ф.Перченко участвовал в подготовке библиографического словаря-справочника «Востоковеды в ГУЛАГе», задуманного по образцу изданного при его же активном участии словаря «Репрессированные геологи» (СПб., 1992), но с добавлением библиографических данных. Довести эту работу до конца нам придется уже без Феликса Федоровича.

При работе над составлением биографических статей о репрессированных востоковедах типовой трудностью является диспропорция в освещенности информацией двух периодов в жизни ученого: до и после ареста. Чаще всего нам хорошо известны труды востоковеда, его судьба и творческий путь до ареста; за этим же следует полная неизвестность, если не считать документов

¹ Вознесенский И. [Ф.Ф.Перченко]. Только востоковеды... // Память: Исторический сборник. Вып.3. Париж, 1980. С.429-465.

² Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20-50-е годы / Сост. Я.В.Васильков, А.М.Гришина, Ф.Ф.Перченко // Народы Азии и Африки. 1990. №4. С. 113-125; №5, С.96-106. К сожалению, после реорганизации журнала и переименования его в «Восток», редколлегия утратила интерес к данной теме и дополнения к списку, содержащие сведения еще примерно о трехстах ученых, опубликовать уже не удалось. Позиция редколлегии тем более удивляет, что первая публикация нашла широкий отклик как у нас в стране, так и за рубежом; см., напр.: Menicucci G. Glasnost, the Coup and Soviet Arabist Historians // International Journal of Middle Eastern Studies. Camb. (Mass.). V.24. (1992). P.559-577.

конца 1950-х—начала 60-х: справки о «прекращении дела производством за отсутствием состава преступления» и свидетельства о смерти с фальсифицированной датой. Но есть и обратные случаи, когда благодаря данным, полученным из КГБ-МБР и МВД, или из воспоминаний товарищей по заключению мы хорошо осведомлены о тюремно-лагерной жизни ученого, но не имеем сведений о его трудах (один мог только начинать свою научную деятельность; работы другого в условиях идеологической цензуры не публиковались, а после ареста пропали, и т.д.). Биография М.Н.Соколова, которому посвящена данная статья, представляет собой одно из редких исключений. Усилия самых разных людей, объединенных только желанием сохранить память об ученом, позволили из разрозненных фрагментов составить более или менее полную картину его трагической судьбы.

Есть также другие обстоятельства, придающие биографии М.Н. Соколова, на наш взгляд, особое значение. Безусловно, это был выдающийся, талантливый исследователь. В его судьбе принимали участие крупнейшие деятели отечественной науки (П.К.Кокковцов, Е.В.Тарле, Н.Я.Марр). И, наконец, при всем своеобразии личности ученого, биография М.Н.Соколова содержит и типические моменты, которые позволяют поставить некоторые вопросы, имеющие общее значение для истории репрессий в отношении научной интеллигенции в СССР.

Михаил Николаевич Соколов родился в семье священника 19 июня 1890 (зарегистрировано в Метрической книге московской Спасской-на-Песках церкви). О его детских и юношеских годах сведений нет. По-видимому, ему уготовано было, в соответствии с традициями семьи, пастырское служение. Во всяком случае в начале 1910-х он учился в Московской Духовной академии (МДА), где получил начальную подготовку в древнееврейском и сирийском языках³. Тогда-то, надо думать, и выяснилось, что истинным его призванием является филология. Окончив в 1915 МДА, Соколов переехал в Петербург и поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. В два года он прошел здесь под руководством крупнейших семитологов П.К.Кокковцова (главным образом гебраиста и сириолога) и И.Ю.Крачковского (арабиста) ускоренный курс по еврейско-сирийскому разряду, после чего был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию⁴. В следующем, 1918-м, Соколов выдержал

³ Старкова К.Б. Гебраистика // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С.548.

⁴ ЦГАЛИ (СПб.). Ф.348. Оп.2. Д.658. Л.1.

испытания на звание магистра еврейского языка — и впоследствии, по свидетельству его ученицы К.Б.Старковой, всегда гордился тем, что оказался «последним русским магистром по гуманитарным наукам». В октябре того же года, после прочтения пробных лекций, ему поручено ведение двух обязательных для студентов курсов. А в ноябре он уже избран старшим ассистентом и с тех пор непрерывно преподавал здесь (в должностях доцента, и.о. профессора, зав. кафедрой гебраистики) до сентября 1931, когда кафедра гебраистики была уничтожена. По-видимому, еще во время учебы завязалась у М.Н.Соколова многолетняя дружба с несколько более старшим учеником П.К.Коковцова — сириологом Анатолием Павловичем Алявдиным (1885-1965). Объединяла их не только увлеченность древневосточной филологией, но и одинаковое происхождение из духовного сословия, и интерес к религиозно-общественным вопросам. В 1919-20 М.Н.Соколов совмещал работу в Петроградском университете с преподаванием в Лазаревском институте в Москве, куда он (как и А.П.Алявдин) был приглашен на должность профессора. Кочевание в поездах между Петроградом и Москвой вскоре прекратилось: на месте Лазаревского института с его несозвучным эпохе интересом к христианскому Востоку был создан ориентированный на ускорение «мировой революции» Московский (или Центральный) институт живых восточных языков. Но теперь уже и в Петрограде М.Н.Соколов работал сразу в нескольких местах: в университете на этнолого-лингвистическом отделении факультета общественных наук он вел начальный курс древнееврейского языка, а также читал со студентами тексты библейских пророков, в частности — книгу Иеремии. Проф. П.К.Коковцов, таким образом, возложил на него основную нагрузку, себе оставив лишь спецкурс по Книге Иова⁵. После преждевременной смерти в 1922 арабиста И.П.Кузьмина Соколову в течение двух лет пришлось вести также начальный курс арабского. Кроме того, когда при университете был организован Научно-исследовательский институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока им. А.Н.Веселовского (ИЛЯЗВ), М.Н.Соколов был принят в него на должность научного сотрудника I разряда, а в 1925 — возглавил в ИЛЯЗВ секцию (с 1928 — комиссию) семито-хамитского языкознания. Еще в 1921 он был избран секретарем Коллегии востоковедов при Азиатском музее (АМ) Российской Академии наук, а 1 августа 1924 зачислен научным сотрудником I разряда в штат АМ, заведовал Еврейским отделом музея.

⁵ Востоковедение в Петрограде. 1918-1922. Пг., 1923. С.38.

Отказавшись в свое время от карьеры священнослужителя в пользу филологического призвания, М.Н.Соколов не утратил, однако, религиозных интересов и связей с духовной средой. В 1917-18 все православные учебные заведения были закрыты новой властью, и тогда, по инициативе митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского)⁶ некоторые преподаватели Петроградской Духовной Академии с помощью профессоров университета создали частный учебный центр — Петроградский Богословский институт (ПБИ), который на протяжении своей короткой истории (1919-1923) с успехом выполнял одну из своих основных задач — «разработку богословских и церковно-практических вопросов, выдвигаемых жизнью, и проведение их правильного решения в сознание общества»⁷. Вокруг института группировались ученые и философы, представлявшие важное общественное движение того времени, известное под именем русского религиозного возрождения. Своего расцвета оно достигло впоследствии за границей, куда были высланы многие крупнейшие его представители; но начало было положено в России. Лекторами ПБИ были С.С.Безобразов, позднее известный как епископ Кассиан (1892-1965), автор нового русского перевода Евангелий; Г.П.Федотов (1886-1951), Н.О.Лосский (1870-1965). Преподавались в институте и предметы, имевшие отношение к Востоку, например, известный монголовед, японист и синолог Д.М.Позднеев читал «историю распространения христианства на Дальнем Востоке», а проф. И.И.Соколов — «историю Греко-Восточной церкви совместно с церковью Грузинской»⁸. М.Н.Соколов и А.П.Алявдин вели, соответственно, курсы древнееврейского и сирийского языков. Известно, что значительная часть преподавателей ПБИ входила в религиозно-философское «Братство святой Софии», просуществовавшее до 1922, когда часть его деятелей погибла, а остальные были высланы за границу⁹. Однако, об участии в деятельности «Братства» М.Н.Соколова или А.П.Алявдина сведений у нас нет.

После закрытия в 1923 ПБИ Соколов, по-видимому, отошел от активного участия в деятельности религиозных организаций. Он уже не преподавал, в отличие от А.П.Алявдина, на сменившихся ПБИ Высших богословских курсах (1923-27). Скорее всего

⁶ После фальсифицированного «показательного процесса» расстрелян в ночь с 12 на 13 августа 1922. В настоящее время канонизирован Русской Православной церковью.

⁷ Востоковедение в Петрограде. Указ. изд. С.50.

⁸ Там же.

⁹ Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С.220.

лишь эпизодически он бывал (если бывал вообще) на собраниях кружка «Воскресение», объединившегося вокруг оригинального христианского мыслителя А.А.Мейера (1875-1939); в деятельности этого кружка христианско-социалистической ориентации принимали активное участие другие ученики П.К.Коковцова: А.П.Алявдин и Н.В.Пигулевская¹⁰. М.Н.Соколова увлекла в это время преподавательская и научная работа, прерываемая командировками в другие города по собиранию для АМ рукописных материалов. Еще в 1922 он занимался перевозкой из Москвы в АМ восточных рукописей коллекции б. Учебного отдела МИД (в свое время вывезенных из Петербурга и хранившихся в Глав-архиве). Особенно участились командировки с 1924, когда Соколов был принят в штат АМ: в том же году он совершает поездку в Нижегородскую губернию, г. Варнавин, чтобы забрать для АМ библиотеку восточных книг, оставшуюся в одном из здешних дворянских имений. Ездил он позже (1927) и в Казань, чтобы организовать доставку в Ленинград восточных рукописей б. Казанской Духовной академии. Но особое значение имели поездки летом 1926 и 1927 в каникулярное время (июль-август) в Евпаторию, где он руководил разбором и описью рукописного собрания Караимской национальной библиотеки. Совместно с хранителем этого собрания Б.С.Эльяшевичем М.Н.Соколов составил краткое описание всех имевшихся там рукописей, содержавших около 1000 сочинений. Он был первым, кто осознал огромное значение караимского рукописного материала, организовал работу по спасению его для науки и исследованию. С этим приходилось спешить — в конце 1920-х—начале 30-х развернулась кампания по закрытию в Крыму караимских молитвенных домов, когда все имевшиеся там книги и рукописи уничтожались. Караимы сами рады были отдать ценнейшие свои рукописи ученым, лишь бы только спасти их от гибели. По счастью, М.Н.Соколову и продолжившему его дело гебраисту В.Л.Дашевскому удалось переправить собрание Караимской национальной библиотеки и многие другие караимские рукописи в Ленинград, в рукописное хранилище АМ (преобразованного с 1930 в Институт востоковедения).

Одновременно М.Н.Соколов работал над своими немногочисленными печатными статьями, посвященными различным проблемам истории средневековой еврейской литературы. В те годы востоковеды работали не спеша, материал для небольшой статьи иногда обрабатывали и обдумывали по несколько лет.

¹⁰ О кружке А.А.Мейера и судьбах его участников см.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С.323-337, 447, 487 и др.

Зато и результаты впечатляли¹¹. М.Н.Соколов успел опубликовать всего три статьи, но каждая из них несет элемент открытия.

Первая посвящена гадательному документу из семейного архива Г.П.Блока (двоюродный брат поэта), составленному в 1816 в Петербурге и содержащему древнееврейский текст предсказания («оракула») с переводом на латинский и русский языки¹². Текст был подвергнут исчерпывающему филологическому анализу, в результате чего установлен, во-первых, его основной источник (еврейская гадательная книга, изданная в Германии в 1720), а затем сличением оригинала с переводами латинским и русским доказано слабое знание еврейского языка переводчиком — служившим в Императорской Публичной библиотеке В.В.Стависким, и определено даже, какими словарями он пользовался при составлении и переводе «оракула». В заключение М.Н.Соколов приводит некоторые факты, свидетельствующие об определенном интересе в высших сферах петербургского общества в первой трети XIX века к еврейской практике гаданий и древнееврейскому языку; он приводит, в частности, архивное свидетельство о составлении тем же В.В.Стависким благодарственного адреса Александру I на древнееврейском языке, а также упоминает о содержании появившегося через четверть с лишним века рассказа Ф.Булгарина «Ворожея», в котором представители разнообразных слоев петербургского общества приходят к ворожее-еврейке, гадающей по еврейской книге¹³. В свете новейших исследований выявленный М.Н.Соколовым интерес к еврейским оракулам может рассматриваться как вариация общего интереса эпохи к «восточной мистике»¹⁴. Учитель Соколова, акад. П.К.Кокорцов писал, что эта статья «свидетельствует о не-

¹¹ Когда в начале 1930-х в «большевизированном» Институте востоковедения была введена пресловутая «плановая» система, требовавшая, чтобы востоковед писал, скажем, две статьи в год, ученые смеялись над ней, как над очередной глупостью невежд-администраторов (см., напр.: Poppe N. Reminiscences. Bellingham, 1983. P. 116-117). Лишь со временем стало ясно, что система несет в себе определенный смысл: она лишает ученого свободы и ставит его в унижительную зависимость от назначенного присматривать за наукой чиновника.

¹² Соколов М.Н. Один гадательный документ начала прошлого столетия // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Т. I. Пг., 1925. С.375-380.

¹³ Булгарин Ф. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843. С.47-57.

¹⁴ Об увлечении некоторых кругов русского общества в это время индийской мистикой и санскритом см. в работах: Топоров В.Н. Об одном образце «говорения языками» в русской мистической традиции // Этнолингвистика текста. Семантика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Вып. I. М., 1988. С. 160-164; его же: Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener Slavistischer Almanach. Bd.23 (1989). S.33-80.

обычайной аккуратности автора в обработке своей темы, которая, можно сказать, в ней до конца исчерпана»¹⁵. Действительно, за текстом этой статьи-миниатюры угадывается длительный, упорный поиск, в том числе и на путях, приводивших лишь к негативному результату: так например, первоначально Соколов искал источник текста оракула в масонской литературе, но «здесь, несмотря на несомненное наличие еврейских элементов, никакого еврейского текста подобного содержания не оказалось»¹⁶.

Одним из важных следствий работы М.Н.Соколова в Евпатории была находка им фрагмента арамейского оригинала «Книги Законов» — утраченного основного сочинения выдающегося еврейского писателя VIII в., основателя секты караимов Анана га-Наси (Анан бен-Давид). Публикация и обстоятельное исследование этого фрагмента составили тему второй печатной работы М.Н.Соколова¹⁷. Благодаря прекрасной сохранности этот текст позволил заполнить лакуны в арамейских фрагментах «Книги Законов», вывезенных ранее из Каирской генизы известным гебраистом С.Шехтером. Ценность найденного фрагмента дополнительно умножалась тем, что его данные проливали некоторый свет на содержание другого, еще менее известного, чем «Книга Законов», сочинения Анана под названием «Аль-Фадлака».

Но еще большее значение имела, по мнению акад. П.К.Ковковца¹⁸, третья печатная работа М.Н.Соколова, посвященная двум найденным им (в ленинградской ГПБ и в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде) фрагментам арабского оригинала популярного дидактического сочинения «Мибхар ха-пениним», традицией приписывавшегося знаменитому философу и поэту Соломону (Шломо) ибн-Габирию (1021/22-1058). До того времени не было известно достоверно отождествляемых фрагментов арабского оригинала сочинения, а без этого нельзя было решить самый сложный вопрос о его авторстве. Опубликовав арабский текст вместе с известным еврейским переводом, М.Н.Соколов всесторонне исследовал его и пришел к отрицательному выводу относительно принадлежности данного сочинения перу поэта-философа¹⁹.

На научную работу у М.Н.Соколова оставалось мало времени, — значительная часть его уходила на преподавание. Но в

¹⁵ ЦГАЛИ (СПб.). Ф.328. Оп.2. Д.658. Л.4.

¹⁶ Соколов М.Н. Указ. соч. С.376-377.

¹⁷ Фрагмент «Книги Законов» Анана га-Наси // Известия АН СССР. 1928. С.243-253.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30.

¹⁹ Арабский оригинал сочинения «Mibhar ha-penim», приписываемого Соломону Ибн-Гебирию // Известия АН СССР. 1929. С.287-300.

начале 1930-х время неожиданно появилось — несчастье помогло. Свершилось, наконец, то, о необходимости чего все время говорили большевики²⁰, — запрещено было преподавание в учебных заведениях древних языков (и прежде всего тех, которые все чаще определялись теперь как «поповские» — то есть языки древних священных текстов). В этих обстоятельствах Соколов взялся за создание большого труда, посвященного одному из крупнейших караимских писателей, Абуль-Фараджу Гаруну (Харуну), жившему в XI веке. Используя многочисленные рукописи этого автора, хранящиеся в ленинградской Публичной библиотеке, но до тех пор почти не привлекавшиеся к рассмотрению учеными, Соколов предполагал заполнить значительный пробел в истории средневековой еврейской и караимской литератур²¹. К концу 1933 работа была практически завершена и подготавливалась к печати, но последующие события воспрепятствовали изданию. Судьба рукописи неизвестна.

С сентября 1933 ученым удалось (говорили, что с санкции С.М.Кирова) возобновить преподавание некоторых древних языков в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), недавно открывшемся при ЛГУ. М.Н.Соколов начал чтение элементарного курса древнееврейского языка своей последней группе студентов. Об этом периоде его жизни сохранила яркие и детальные воспоминания одна из тогдашних учениц М.Н.Соколова Клавдия Борисовна Старкова, навсегда благодарная учителю за то, что всего в один семестр (осень-зима 1933) он сумел привить ей не только глубокий интерес к изучаемой культуре, но и навыки точного филологического анализа. «С виду М.Н. — сухой, очень сдержанный человек, рыжеватый блондин, с седой, в пенсне, резкие черты лица, насмешливые глаза», — вспоминала она. Характер и стиль общения М.Н. с учениками — строгость и беспристрастность в опросах, требование при чтении текстов понимания грамматической формы каждого слова, безупречного знания парадигм; в то же время он охотно и живо объяснял непонятное, запомнился, как «добрый, остроумный, смешливый

²⁰ Еще в середине 1920-х лидер «марксистского востоковедения» М.П.Павлович печатно заявлял: «Нам, конечно, не нужен санскрит, не нужны древнееврейские, финикийские и арамейские языки» (Правда. 1925. 21 ноября; цит. по кн.: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С.203; уничтожительная замена единственного числа множественным — характерная особенность революционного жаргона той эпохи).

²¹ По мнению П.К.Коковцова, труд М.Н.Соколова об Абуль-Фарадже должен был стать «ценнейшим вкладом в мировую науку по гебраистике» (СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.3).

человек». Много лет спустя именно К.Б.Старкова в статье о гебраистике в ИВ впервые назвала забытое имя М.Н.Соколова и достаточно внятно дала понять догадливому читателю, какого рода обстоятельствами была прервана его научно-педагогическая деятельность²².

Студенты сдали М.Н.Соколову свой первый экзамен и ушли на зимние каникулы, а когда вернулись, уже не застали в ЛИФЛИ своего учителя. Он был арестован 22 декабря 1933²³. Обвинен по статье 58, пункты 10 и 11 («антисоветская агитация» и «участие в контрреволюционной организации»). Происхождение Соколова, его прежние связи с духовной средой упростили следователям задачу подключения его к «делу», по-видимому, вполне вымышленной «церковно-монархической организации "Англикане"» (см. ниже выписки из лагерного дела М.Н.Соколова). Мы не имели возможности ознакомиться со следственным делом М.Н.Соколова, поэтому можно только гадать о происхождении странного названия. Известно, что М.Н.Соколов по вероисповеданию был православным. Следует, вероятно, иметь в виду, что Англиканская церковь была в эти годы едва ли не единственной общественной силой в Европе, активно протестовавшей против преследования верующих в СССР (например, в начале 1930 англикане провели по всей стране однодневное моление о гонимой Русской церкви²⁴). Поэтому обвинение в связях с англиканами автоматически должно было означать инкриминирование антисоветской деятельности.

3 марта 1934 постановлением Коллегии ОГПУ М.Н.Соколов осужден к заключению в «исправительно-трудовые лагеря» сроком на 5 лет²⁵. 20 апреля прибыл по этапу в БАМлаг — систему лагерей, призванную обеспечить рабской трудовой силой первый тур строительства Байкало-Амурской магистрали. Первые годы заключения Соколов провел в административном центре БАМлага, городе с примечательным названием — Свободный. Условия были сравнительно сносными: он был избавлен от тяжелого физического труда, мог переписываться с семьей, жене, Татьяне Пет-

²² Старкова К.Б. Указ. соч. С.548-549.

²³ Точнее, по-видимому, в ночь с 21 на 22 декабря. В служебной записке, отправленной секретарем Института Востоковедения в отдел кадров АН, говорится, что «специалист ИВ М.Н.Соколов 21 декабря вечером арестован» (СПбФ АРАН. Ф.4. Оп.4. Д.2385).

²⁴ См.: Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917-1945. Париж, 1977. С.478.

²⁵ Сведения об аресте и осуждении М.Н.Соколова по запросу Ленинградского отделения ИВ АН СССР были представлены Управлением КГБ по Ленинградской области (вместе с данными о некоторых других востоковедах) в 1989.

ровне разрешили приехать к нему для свидания. С ней он и передал, по-видимому, письмо учителю, академику П.К.Коковцову, сохранившееся в СПб. филиале Архива РАН:

4. IX. 1934

Гор. Свободный, ДВК,
Почт. ящик 25.

Дорогой Павел Константинович,

трудно представить себе, как я был счастлив и рад получить от Вас письмо на далеком Востоке. Оторванный неожиданно от своей среды и условий работы, я особенно остро переживал невозможность поддерживать общение с Вами даже письменно. Теперь через Татьяну Петровну, которая рассказала мне о том, как Вы живете, позвольте от всей души благодарить вас за все — за Ваш отзыв о моей работе, за присланные мне книги на татарском и древнееврейском языке и за предложение передать мне интересующие меня книги из Вашего ценнейшего книжного собрания. Так как я все же надеюсь, что моя оторванность от работы по специальности когда-нибудь окончится и я снова получу возможность заниматься тем, чем мне хочется, то я — с великой благодарностью — просил бы Вас сохранить, если можно, для меня библейские комментарии Дилльманна, трехтомное издание Мунка More Nebukim, работы Бахера, Талмуд в переводе Гольдшмидта, переводы Хаггада Вюнше и Бахера²⁶. Мне очень совестно писать еще, потому что и написанное представляет собой очень большую ценность. Если Вы найдете нужным передать эти книги в ближайшее время, Татьяна Петровна присоединит их к моим книгам. Она расскажет Вам, как я здесь живу. Я устроился совсем не плохо по сравнению с возможностями, которые могут быть у каждого лагерника. Теперь, после того как я немного пришел в себя после всего пережитого, я стал заниматься крымско-татарским языком у находящегося здесь в моем же положении преподавателя педагогики Симферопольского Университета, который говорит по татарски. После отъезда Татьяны Петровны, снова примусь за изучение и буду употреблять на это все свободное время. Я думаю, что в дальнейшем мне пригодится знание татарского языка для изучения караимской литературы²⁷. В общем жизнь здесь построена так, что свободного времени очень мало. Работа начинается в 9 ч. и продолжается до 3 1/2 ч., затем вечером — с 8 ч. до 12 ночи. Ложиться спать удастся не ранее 1 ч. ночи, вставать же в 7 часов утра. За-

²⁶ Перечисляются классические немецкие работы XIX в. по гебраистике. More Nebukim (в тексте — еврейским письмом) — «Путеводитель блуждающих», сочинение философа XII века Моше Маймонида.

²⁷ Караимский язык представляет собой, по существу, использующий еврейскую письменность и насыщенный гебраизмами диалект крымско-татарского языка.

нимаюся татарским языком дважды в пятидневку с 5 до 6 часов и в качестве компенсации за обучение с 6 до 7 занимаюся преподаванием своему учителю арабского языка. Это очень красит жизнь, потому что работа в Отделении карьерного хозяйства Транспортного Отдела Управления Бамлага ничего не дает для ума. Мне были сделаны два предложения — заведывать архивом проектного отдела и заведывать центральной технической библиотекой. Последнее меня очень привлекало, но мое начальство категорически отказалось меня отпустить и я принужден был оставить мысль о переходе²⁸. Конечно, работа в библиотеке, хотя бы и технической, бесконечно мне ближе, чем та работа, которую я сейчас выполняю, ведя делопроизводство отделения, неся секретарские обязанности и выполняя все, что требуется в тот или иной момент, т.е. или веду статистический учет продукции карьеров, или помогаю в плановой работе. В общем время идет очень быстро. Я очень прошу Вас, дорогой Павел Константинович, беречь здоровье Ваше, чтобы мы снова могли с Вами видеться, чтобы я по возвращении нашел Вас таким же полным энергии, каким я Вас оставил. Передайте мой привет Ксении Тимофеевне²⁹. От души Вас благодарю и желаю Вам всего доброго.

Искренне Вас уважающий и любящий

Ваш М.Соколов³⁰.

Обращает на себя внимание в этом письме прежде всего то, что М.Н.Соколов пытался и в лагере продолжать научную деятельность или хотя бы подготовку к ней, занимаясь крымско-татарским языком. Для востоковедов того времени вообще характерно, что они даже в самых неблагоприятных обстоятельствах упорно следовали своему научному долгу. Известно, например, что старый монголовед А.В.Бурдуков, умирая во время войны от голода в Сиблаге, чуть ли не до последних дней сообщал родным, что работает над книгой «Тридцать лет среди монголов»³¹. Другие, выйдя на свободу после многолетнего заключения старыми и тяжело больными людьми, находили в себе силы закончить в условиях крайней нужды ранее начатые фундаментальные труды (как, например, друг Соколова — А.П.Алявдин или китаевед А.А.Штукин).

Письма М.Н.Соколова жене неожиданно перестали приходить в конце 1937-го, тем не менее близкие по-прежнему ждали

²⁸ Впоследствии Соколову удалось перейти на работу в библиотеку.

²⁹ Ксения Тимофеевна — экономка П.К.Коковцова.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.7-8.

³¹ Письма А.В.Бурдукова из лагеря хранятся у его дочерей, Г.А. и Е.А.Бурдуковых.

его скорого возвращения. Срок заключения, отсчитывавшийся со дня ареста, истекла 22 декабря 1938. Но и в первые месяцы 1939-го от Михаила Николаевича не было никаких вестей. Т.П.Соколова послала запрос в БАМлаг, на который только к лету 1940 пришел ответ, сообщавший, что дело М.Н.Соколова пересмотрено на месте «тройкой», приговорившей его к 10 дополнительным годам заключения, с переводом в лагерь особого режима, без права переписки.

Это было тяжелейшим ударом не только для семьи, но и для учителя М.Н.Соколова — академика П.К.Коковцова. Ему было уже за 80, и это означало, что он никогда больше не увидит одного из лучших своих учеников. Коковцова постигла участь, не обошедшая никого из прославленных востоковедов-академиков той же плеяды: их самих, хотя и держали в постоянном страхе («про-рабатывая» на собраниях и в печати как «буржуазных ученых»), не арестовывали — боялись международного скандала; но созданные ими научные школы на их глазах уничтожались беспощадно. К концу 30-х была арестована большая часть принадлежавших к разным поколениям учеников академика-китаеведа В.М.Алексеева (Ю.К.Щуцкий, Б.А.Васильев, А.А.Штукин, Н.В.Алабышев, Н.С.Мельников и др.), та же участь постигла всех исследователей классической индийской философии — учеников Ф.И.Щербатского (А.И.Востриков, Б.В.Семичов, М.С.Троицкий, М.И.Тубянский), многих арабистов из числа учеников и сотрудников И.Ю.Крачковского (В.А.Эберман, А.П.Ковалевский, Т.А.Шумовский и др.). Сострадая репрессированным, мы обычно не задумываемся о том, что должны были переживать их учителя, оставшиеся на свободе. Лишь некоторое представление об этих переживаниях дает дневниковая запись В.М.Алексеева: «Мороз по коже при мысли о судьбе В.М.Штейна и многих. Что в сравнении с этим смерть»³².

Академик П.К.Коковцов, еще в 1911 своим выступлением на процессе Бейлиса стяжавший репутацию борца со всякой несправедливостью³³, неоднократно пытался смягчить участь арестованных учеников: Н.В.Пигулевской, А.П.Алявдина³⁴, М.Н.Соколова. В 1940 он предпринял последнюю попытку спасти Михаила Николаевича, ход которой отражает подборка документов в лич-

³² См.: Баньковская М.В. Семь ярких вспышек // Петербургское востоковедение. Вып.4. СПб., 1993. С.431. ВМШтейн — ученик В.М.Алексеева, китаевед-экономист, арестованный (уже не в первый раз) в 1949.

³³ Участвуя в деле Бейлиса как эксперт по иудаизму, П.К.Коковцов доказал абсурдность обвинения евреев в ритуальных убийствах; см.: Poppe N. Reminiscences. P.49.

³⁴ Там же. P.50.

ном фонде академика (СПб. филиал Архива РАН). Прежде всего он попросил о встрече академика Е.В.Тарле. По-видимому, он рассчитывал получить от него полезный совет, так как историк сам был арестован по «делу АН» в 1930, и не только вернулся из ссылки живым, но сумел полностью восстановить свое положение в науке. Письмо начинается словами: «Глубокоуважаемый Евгений Викторович! Вспоминая наше общение десять лет тому назад и Ваше неизменно сердечное и чисто дружеское отношение ко мне в то время, я подумал, что могу и теперь рассчитывать на такое же доброе отношение, как прежде...»³⁵. Упоминание об «общении десять лет назад» содержит, вероятно, намек, указывающий адресату на тему предстоящей беседы. Письмо написано летом 1940, а за десять лет до того Е.В.Тарле находился в заключении. Общаться с П.К.Коковцовым Е.В.Тарле мог, следовательно, только до своего ареста в 1930. Е.В.Тарле рекомендовал П.К.Коковцову обратиться за советом и помощью к адвокату Юлию Яковлевичу Бураку. Возможно, тот ранее помогал самому Е.В.Тарле в тяжелые времена. Ю.Я.Бурак имел, как можно предположить, давние связи и с востоковедами: в 1938 адвокаты Коммодов и Бурак опротестовали приговор Военного трибунала в отношении молодых востоковедов Л.Н.Гумилева, Н.П.Ереховича и Т.А.Шумовского, что повело к пересмотру дела и существенному сокращению сроков³⁶. Не исключено, что Ю.Я.Бурак приходился к тому же родственником Эммануилу Яковлевичу Бураку (1904 г.р.), индологу-экономисту, преподававшему в Ленинградском Восточном институте, отчисленному 11 января 1935 «в связи с его прошлой принадлежностью к бывшей зиновьевской оппозиции» и вскоре арестованному.

Вероятно, по совету Ю.Я.Бурака П.К.Коковцов обратился с письмом к Л.Берии:

Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР
Лаврентию Павловичу Берия.

Позвольте мне, как старейшему, по избранию, действительному члену Академии Наук Союза ССР, основной задачей которой, по уставу, является всемерное содействие общему подъему теоретических, а также прикладных наук в СССР, обратиться к Вам по следующему поводу.

22 декабря 1933 г. был арестован в Ленинграде по распоряжению ГПУ и присужден по ст. 58 пункты 10, 11 к пяти годам исправительных лагерей штатный сотрудник Института восто-

³⁵ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.10.

³⁶ См.: Шумский В. Узник «Таирова переулка» // Невское время. 1993. 15 июня. С.2.

коведения Академии Наук СССР Михаил Николаевич Соколов, состоявший также в течение ряда лет штатным преподавателем Ленинградского Государственного Университета по гебраистическим дисциплинам. По истечении срока наказания, которое М.Н.Соколов отбывал в г.Свободном (Дальневосточный край), а затем в Ледяном (там же), он не был в декабре 1938 г. освобожден из ссылки. На запрос жены М.Н.Соколова, посланный в 1939 г. по месту ссылки в г.Свободный, был дан, месяца два тому назад, из НКВД ответ, что, по сведениям, полученным из г.Свободного в мае с.г., дело М.Н.Соколова было пересмотрено тройкой на месте, и ему было прибавлено еще 10 лет наказания, сверх пяти прежних, с переводом его в лагерь особого режима. Должен еще указать, что уже с самого конца 1937 г. М.Н.Соколов лишен права переписки с женой и, таким образом, совершенно отрезан от общения с семьей.

И как университетский учитель М.Н.Соколова, и как старый советский ученый, озабоченный прогрессом ориенталистических знаний в нашей стране, я не могу остаться безучастным к судьбе моего ближайшего ученика-гебраиста, беззаветно преданного науке и заявившего себя в научной области рядом ценных печатных работ по своей специальности, частью помещенных в издания Академии Наук СССР, а в преподавательской деятельности пользовавшегося, в качестве прекрасного лектора, всеобщим признанием и известностью в наших ориенталистических кругах. Зная давно М.Н.Соколова, как вполне лояльного и честного, в политическом отношении, ученого, я не могу ни на одну минуту допустить мысли, что он мог совершить преступление, за которое заслужил бы 15 лет ссылки в дальневосточные лагеря, считая прибавленные ему, после пересмотра дела при Наркоме Внутренних Дел Н.И.Ежове, 10 лет ссылки, и объясняю себе вообще возникновение всего дела о нем не иначе, как какой-либо злонамеренной клеветой или просто каким-то несчастным недоразумением. В этом смысле я в свое время, вскоре после ареста М.Н.Соколова, писал Вице-президенту нашей Академии, академику Н.Я.Марру, ручаясь за лояльность М.Н.Соколова с такой же уверенностью, с какой я могу ручаться за собственную лояльность. К сожалению, роковая болезнь Н.Я.Марра, постигшая его именно в момент несчастья с М.Н.Соколовым, помешала ему предпринять соответствующие шаги в защиту моего ученика, которого он хорошо знал.

Ввиду того, что речь идет в настоящем случае об ученом, которому уже 50 лет и который, насколько я его знаю, не выдержит по здоровью всего 15-летнего срока ссылки, в тяжелых условиях полной оторванности с конца 1933 года от семьи, с лишением даже права переписки с женой; ввиду безупречной и ни в чем не запятнанной репутации М.Н.Соколова за все время службы его в течение ряда лет, как в Академии Наук СССР, так и в Ленин-

градском Университете; ввиду, наконец, непоправимого ущерба, который может причинить потеря такого ученого, как М.Н.Соколов, делу востоковедения, представленного в нашей стране крайне ограниченным числом серьезных работников — я позволяю себе, как старейший по возрасту ориенталист Советского государства, обратиться к чувству Вашего милосердия и гуманности и усердно прошу Вас о возможно скорейшем пересмотре дела М.Н.Соколова в интересах выяснения истины и ради сохранения для советской науки, если это еще не поздно, хорошего ученого и образцового преподавателя.

Действительный Член Академии Наук Союза ССР,
академик Пав. Конст. Коковцов

10.VIII.1949

Ленинград, 2 Красноармейская, д. 14, кв. 10³⁷

Копия письма была передана через Е.В.Тарле Ю.Я.Бураку, который в письме П.К.Коковцову выразил уверенность в том, что «этот документ, как написанный с чувством глубокого внутреннего достоинства и уверенности в правоте дела, и как исходящий от Вас, будет несомненно со вниманием прочтен адресатом, и, следовательно, Вы получите тот или иной ответ». До тех же пор, по мнению адвоката, предпринимать какие-либо действия не имело смысла³⁸.

Через два месяца П.К.Коковцов написал Ю.Я.Бураку: «...Спешу Вас уведомить, что я сегодня по повестке Ленинградского управления НКВД являлся к тов. Захарову и узнал, что в удовлетворении моего ходатайства о пересмотре дела мне отказано "за отсутствием всяких оснований к пересмотру"». Как о большой любезности П.К.Коковцов просил адвоката в любое время приехать к нему для беседы («так как для меня, ввиду моего болезненного состояния и преклонного возраста крайне затруднительно куда-либо выезжать в холодное время»)³⁹. Надежда еще не оставляла старого ученого. Но при наличии такого ответа адвокат едва ли мог решиться на какие-либо юридические действия.

Год с небольшим спустя, в ночь на новый, 1942 год, академик П.К.Коковцов скончался в своей квартире, в блокадном Ленинграде.

К моменту, когда престарелый ученый возобновил свои усилия для облегчения участи М.Н.Соколова, того давно уже не было в живых. М.Н.Соколов был расстрелян (по «постановлению тройки») 10 октября 1937. П.К.Коковцов стал жертвой известной улов-

³⁷ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.13, 21.

³⁸ Там же. Л.25.

³⁹ Там же. Л.26.

ки, направленной на сокрытие правды о масштабах массовых убийств: его обманули пресловутой формулой «десять лет без права переписки». Но история «дела» М.Н.Соколова свидетельствует о том, что для достижения той же цели (сокрытия факта гибели заключенного) использовались и другие приемы дезинформации.

В 1939 бывший сослуживец брата К.Б.Старковой, военный строитель Л.Габаин рассказал ей, что, находясь ранее в этом же году по делам службы в одном из лагерей на Печоре, он встретил в конторе заключенного, назвавшегося гебраистом М.Н.Соколовым. Узнав, что Л.Габаин знаком с молодой гебраисткой К.Б.Старковой, заключенный будто бы попросил передать ей привет от бывшего учителя. О себе он сказал, что недавно переведен с общих работ на канцелярскую должность, но чувствует себя плохо и не надеется дожить до освобождения. Л.Габаин впоследствии, по-видимому, погиб на фронте. В достоверности его рассказа К.Б.Старкову уже тогда пытался разубедить египтолог Ю.Я.Перепелкин, знавший, что М.Н.Соколов был в заключении не на Печоре, а на Дальнем Востоке, а кроме того, не исключено, — располагавший какой-то достоверной информацией о его судьбе (у самого Ю.Я.Перепелкина немало родственников и друзей находилось в это время в заключении).

В среде ленинградских востоковедов можно было услышать — даже в недавние годы — подобные же рассказы «о лагерной жизни» Б.А.Васильева, А.И.Вострикова, Н.А.Невского — выдающихся ученых, которые в действительности, как сейчас достоверно известно, были расстреляны во Внутренней тюрьме УНКВД на Литейном сразу же после окончания следствия и вынесения «приговора». Иногда в такой истории рассказывается, как лагерное начальство случайно узнает, что среди з/к есть ученый исключительных знаний и начинает использовать его по специальности (например, японоведа Н.А.Невского — во время войны с Японией). Какие-то из этих историй, возможно, порождены надеждой, верой в то, что государство просто не может бессмысленно уничтожать уникальных специалистов. Но в других случаях, как и в истории о пребывании М.Н.Соколова в 1939 на Печоре, мы встречаемся, скорее всего, с умышленным распространением ложных сведений.

Правда о последних годах и гибели М.Н.Соколова стала известна прежде всего благодаря усилиям сибирского журналиста, собственного корреспондента «Российской газеты» по Амурской области Николая Белого, которому, несмотря на чинившиеся препятствия, удалось обнаружить в подвалах двух зданий в Благовещенске-на-Амуре архив БАМлага, содержащий сведения о 15 ты-

счетах расстрелянных заключенных и о двух миллионах «умерших», из которых многие, как позже выяснилось, тоже были расстреляны или — в терминологии документов — «списаны за ветхостью»⁴⁰. В последующие годы Н.Белый сумел организовать переноску архива из подвалов в более подходящие помещения, а также первичное изучение материалов. Именно Н.Белый по просьбе автора настоящей статьи нашел в архиве «лагерное дело» М.Н.Соколова, которое впоследствии смогла выписать и скопировать его дочь. С ее разрешения мы приводим здесь фрагменты из этого «дела». Они свидетельствуют, что М.Н.Соколова постигла та же участь, что и о.Павла Флоренского (бывшего, кстати, около года салагерником М.Н.Соколова, но потом этапированного на Соловки), и многих других интеллигентов: сразу же по прибытии в лагерь его окружили осведомителями, фиксировавшими каждое неосторожное слово и готовившими тем самым «материал» для будущего заседания «тройки»⁴¹.

ДЕЛО № 30135

на заключенного Соколова М.Н.

Архивный № С 0-8341

220663 Р-3367

Начато 29 января 1935 года

Окончено 17 сентября 1937 г.

МЕМОРАНДУМ

на проходящего по делу №7734-33 г. СПО ПП... Соколова Михаила Николаевича.

6. Социальное положение — сын *священника*.

7. Характеристика обвиняемого, описание совершенного преступления и степени его опасности.

Входил в состав руководящего центра церковно-монархической организации «*Англиканы*».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/.../

Постановил: взять в активную агентурную проработку как бывшего участника, руководящего члена центра церковно-монархической организации.

1. Завести дело-формуляр, взяв его на учет по линии по окрадке ДУХОВЕНСТВО по категории СПО.

/.../

⁴⁰ Белый Н. Черные люди на красном ветру // Российская газета. 1991. 10 сент.

⁴¹ Соответствующие фрагменты «лагерного дела» о. Павла Флоренского см. в публикации: Письма з/к Флоренского П.А. семье из концлагеря // Знамя. 1991. №7. С.194-196, 204, 208.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УЧЕТА ДАННЫХ

(агентурные сведения, заявления, протоколы допросов, свидетелей и проч.)

«Володин» (Пр[инял] Дюкарев):

Соколов (библиотекарь в библиотеке Управления) говорил Якубовскому Вячеславу Леоновичу (белорусу) о пожаре в библиотеке: «Жалко научных книг. Остальные — пустяки, они все надоели: колхозы да ударники, а теперь и стахановцы начинаются». /.../ Выходя из клуба после митинга, Соколов говорил, что у нас забрали КВЖД, поэтому вторые пути очень важны. Может быть, дадут льготы. Впрочем, может быть, льгот и не дадут, ведь не один раз обманывали.

«Володин» (Пр. Пивовар):

Соколов недоволен тем, что обязан преподавать уроки латинского языка преступному миру, а не таким, как он, сидящим по недоразумению. /.../

Мероприятия: с/о «Володину» дано задание вести дальнейшую проработку з/к Соколова...

Пр. Бугаев:

18/XI-36 г. в присутствии Войтикунаса В.П. Соколов говорил: «Говорили, что скоро не будут давать никаких газет, за исключением "Строитель БАМа". Это потому, чтобы заключенные не знали, что делается внутри страны, а главное о международном положении. Они учитывают, что здесь в лагере лучшие люди, и в нужную минуту они скоро договорятся».

Мероприятия: с/о «Володину» дано задание установить, откуда Соколов получает сведения о том, что не будут давать газеты. Всю его к/р деятельность и «АС» разговоры фиксировать в дальнейшем. /.../

Соколов: «Вот мы со своим начальником Автономовым, я уже не знаю, до чего у них дослужились. Работаем, отдаем все силы, а плата, "лепта", дороже, чем мы стоим. Лишают зачетов, льгот. Знаете, теперь все атрофировано, не хочется и работать. Сам себя другой раз спрашиваешь, зачем и для чего сам себя отдаешь этим издевателям в руки, но ведь один в поле не воин». /.../

Агент Зевакин А.И.:

Соколов высказывался против того, что заставляют праздновать 1 мая, настоящий праздник — это не 1 мая, а Пасха. Называют занятия спортом.

Соколов вступился за доктора Таримова, которого признали троцкистом.

«Вот опять отчеты троек С и У, проверка чего-то, и вот хочешь, не хочешь, а итти нужно. Меня совсем не интересуют и не волнуют их отчеты. Я, как и все, понимаю, что это переливают из пустого в порожнее, но итти нужно, а то опять скажут: "Контрреволюционная агитация", а жить мне осталось не так

много, да если еще в этих условиях, то совсем уже одной ногой в земле». /.../

СПРАВКА

з/к Соколов М.Н. статья 58/10, 11 УК, срок 5 лет, направлен для дальнейшей меры социальной защиты в 1е отделение БАМЛАГ НКВД.

29/IX-36 г. Соколов М.Н., крупный к/р церковник-монархист ранее связан был с заграничными к/р организациями. Из письма жены Соколовой Т.П. из Ленинграда видно, проскальзывает, что он поддерживает с ними связь через свою жену. Проверку писем производить.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Костюка Александра Михайловича, сына крестьянина-домовладельца

«С Соколовым близко не сталкивался, однако по внешним признакам я глубоко убедился в том, что Соколов настроен крайне отрицательно к советской власти».

Когда строили колонну, Соколов спросил: «Когда же нас погонят?»

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Пятибратова Артема Федоровича, социальное происхождение — рабочий

Я убедился, что Соколов является к/р настроенным против советской власти и партии, а именно: когда он прочитал в газете, что в Ленинградской Академии Наук ликвидированы троцкисты, он сказал: «Посмотрите, я ведь многих знаю по работе как хороших людей, как жаль, что они попали».

Он был старшим экономистом по учету, запаздывал с отчетами. Тогда Костюк отстранил его от должности.

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Соколов М.Н. был в хороших отношениях в библиотеке с Рамаинцевым, Федотовым А.А. (освобожденными), Валуевым А.П. Был в одной комнате с Камчин-бек Обдул 58-4-11 сроком на 10 лет, Якубовским. В хороших отношениях с Вальцевым А.П., Аввакумовым, заведующим колбасной.

3-ий отдел БАМЛАГ НКВД СПРАВКА

З/к Соколов М.Н., убежденный враг советской власти, в лагере активизировал свою контрреволюционную деятельность,

группировал вокруг себя лиц, антисоветски настроенных. Систематически высказывал недовольство существующим строем и мероприятиями, проводимыми партией. Оправдывал действия террористов в отношении руководителей партии и правительства. Ожидает войны, которая должна принести ему освобождение из лагеря и изменение существующего строя.

Начальник 4 отдела

«Согласен» Пом. начальника 4 отдела

«Утверждаю» Зам. нач. Управления

и начальник 3 отдела

Роговин

Прушакевич

Шедвид

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

от 8 октября 1937 г.

Постановили: Соколова М.Н. расстрелять.

Нач. 8 отд. УГБ УНКВД по ДКК

ст. лейтенант госбезопасности

Завьялов

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление тройки от 8 октября 1937 г. о расстреле Соколова М.Н. приведено в исполнение в 4 часа 10 октября 1937 г.

Завьялов